

Громогласов И. М. Канонические определения брака и значение их при исследовании вопроса о форме христианского бракозаключения // Богословский вестник 1907. Т. 1. № 2. С. 275–301 (2-я пагин.). (Продолжение.)

Каноническія опредѣленія брака и значеніе ихъ при изслѣдованіи вопроса о формѣ христіанскаго бракозаключенія.

(Продолженіе) ¹⁾.

Возвращаясь отъ этихъ разъяснений вновь къ тексту modestinовой формулы, нельзя не отмѣтить въ рассматриваемой части ея еще одной черты: возникающей на почвѣ психофизического различія половъ супружескій союзъ опредѣленъ здѣсь какъ *coniunctio maris et feminae*. Употребленіе грамматическихъ формъ позволяетъ видѣть въ этой фразѣ, слѣдя авторитетному примѣру одного изъ нашихъ ученыхъ канонистовъ, выраженіе той мысли, что „брачное соединеніе римской юристы могъ мыслить только какъ союзъ *одного мужчины и одной женщины*“ ²⁾. Другими словами, здѣсь можно усматривать если не прямое указаніе, то довольно прозрачный намекъ на моногамический принципъ, который нельзя не признать необходимымъ постулатомъ естественной нравственно-психологической природы брака. Въ самомъ дѣлѣ, если послѣдній есть союзъ не физической только, а психо-физической, и если духовная связь, опирающаяся на психологическое различие половъ, должна быть мыслима не менѣе тѣсною, чѣмъ общеніе физическое на почвѣ полового различія въ тѣлесной организаціи, то очевидно, что въ этомъ психо-физическому союзу не могутъ разомъ участвовать три индивидуума, или одинъ состоять въ союзѣ съ двумя лицами одного пола, какъ не возможно согласное съ законами природы одновременное соединеніе троихъ, „въ плоть едину“. На-

¹⁾ См. Богосл. Вѣста, за текущ. годъ, янв., стр. 60—92.

²⁾ Проф. Павловъ, 50 я глава Кормчей, стр. 42—43.

рушать моногамический принципъ такъ или иначе (т. е. путемъ полигаміи или поліандрії) значитъ разрушать истинную идею брака и низводить его до самой крайней, унижающей человѣческую природу односторонности, при которой онъ становится лишь тѣмъ, чemu *natura omnia animalia docuit*. Такое нарушеніе, въ качествѣ явленія обычного и общепризнанного, можетъ имѣть мѣсто лишь тамъ, гдѣ нравственно-психологическая основа брака еще не сознана въ своемъ надлежащемъ значеніи вслѣдствіе не достаточно высокаго уровня культуры, или же гдѣ она сознательно принесена въ жертву другимъ какимъ-либо общественнымъ потребностямъ и цѣлямъ. Примѣры этого можно видѣть у народовъ древняго востока, гдѣ моногамія не только не возвышалась въ общественномъ сознаніи надъ полигаміей (въ формѣ многоженства), но даже едва ли не считалась иногда болѣе низкой степенью семейной организаціи¹⁾). Менѣе рѣзко заяв-

1) Указаніе на это можно усматривать въ томъ обстоятельствѣ, что въ Индіи, напр., единожество считалось обязательнымъ только въ нижней кастѣ *судра*, а въ прочихъ, вышихъ кастахъ закономъ Ману была дозволена полигамія въ формѣ конкубината (проф. *M. Капустинъ*, Исторія права, ч. I, стр. 141, Яросл. 1872). — Даже у евреевъ, законодательство которыхъ, благодаря исключительнымъ особенностямъ историческихъ судебъ этой націи, отличалось большою нравственностью высотою сравнительно съ другими народами древности, моногамический принципъ не былъ ясно сознанъ, какъ поступать нравственной природы брака: многоженство хотя и не пользовалось здѣсь явнымъ предпочтеніемъ по закону и народнымъ обычаямъ (что было бы вполнѣ послѣдовательно при высокой оцѣнкѣ многочадія), однако не было и запрещено, а лишь до извѣстной степени ограничено (см. проф. *Осипова*—цит. соч., стр. 93—94; проф. *A. П. Лапухина*—Законодательство Моисея, стр. 42—43, СПБ. 1882). Въ позднѣйшемъ еврейскомъ правѣ запрещеніе имѣть *много* женъ, на основаніи косвенного указанія библейскихъ примѣровъ, было понято, какъ дозвolenіе имѣть *не болѣе четырехъ женъ за-разъ*; пять — уже *много* по пониманію Талмуда и раввиновъ (проф. *Капустинъ*, цит. соч., стр. 166). Помимо этого моисеево-талмудическимъ правомъ раарѣшено имѣть и наложницъ (*rilegesch*), которые отличались отъ законныхъ женъ тѣмъ, что вступали въ сожительство безъ торжественныхъ обрядовъ и безъ *Ketuba* (соств. римской *donatio propter nuptias*, — *Freisen*, o. c., S. 46). Указанныя отклоненія отъ моногамического принципа исчезли въ позднѣйшей практикѣ, уступивъ мѣсто единобрачію, но исчезли не вслѣдствіе ясно выраженаго правового предписания, а въ силу измѣненія нравственныхъ понятій (см. *Frankel*, Grundlinien des mos.—talmud. Ehrechts, S. X—XI, Leipzig 1860).

ляютъ о себѣ отклоненія отъ моногамическаго принципа въ другой половинѣ древняго міра, хотя настойчиво подчеркиваемое нѣкоторыми изслѣдователями различіе въ данномъ отношеніи между востокомъ и западомъ¹⁾ въ дѣйствительности не было ни вполнѣ послѣдовательнымъ, ни всеобщимъ до тѣхъ поръ, пока оно болѣе коренилось въ мѣстныхъ условіяхъ жизни²⁾, чѣмъ въ твердо установленныхъ понятіяхъ о достоинствѣ человѣческой личности и морально-психологической основѣ брака. Только недостаточнымъ проникновеніемъ названнаго принципа въ общественно-правовое сознаніе подданныхъ всемірной имперіи можно объяснить себѣ допустимость открытаго сожительства съ „конкубинаами“ при живой женѣ³⁾ и отдѣльные случаи двоеженства, о ко-

¹⁾ Соколовскій Л. О постепенномъ развитіи идеи брака въ древнемъ мірѣ, стр. 51, СПБ. 1843.

²⁾ Проф. Капустинъ, цит. соч., стр. 67.— Не лишнюю интереса попытку указать на значеніе мѣстныхъ условій въ установлениія понятій о населеніи и въ связи съ этимъ о бракѣ, какъ средствѣ его увеличенія, находимъ у одиого изъ старинныхъ нашихъ изслѣдователей. „На необозримыхъ плодоносныхъ равнинахъ Азіи человѣкъ желалъ умножаться до безпредѣльности, чтобы заселить необитаемыя пространства, чтобы утвердить свой родъ предъ всѣма прочими. Вслѣдствіе этого азіатецъ набиралъ себѣ женъ какъ можно больше, и при недостаткѣ ихъ въ семье родѣ покупалъ ихъ, или похищалъ насильно у другихъ народовъ... Сочершенно не то мы встрѣчаемъ въ Греціи. Въ этой странѣ, раздробленной на мелкія части по своему географическому положенію и раздѣленной въ политическомъ отношеніи на малыя государства, родилось совершенно другое понятіе о населеніи. Здѣсь качествомъ хотѣли замѣнить количество, и потому не умноженіе населенія, а образованіе его составило предметъ желаній и попеченій грековъ. Число гражданъ, по ихъ идеѣ, должно быть опредѣлено въ государствѣ, и каждое излишнее увеличеніе ихъ составляло зло, отъ котораго греки спасались только колонизациєю. Дѣти, рожденные въ законномъ бракѣ, получали всѣ права гражданства, имѣли законныя притязанія на клеры, а при большомъ количествѣ дѣтей надѣлить ихъ такими клерами было невозможно. Поэтому у нихъ не только многобрачіе современное, но и вторичные браки, ежели были дѣти отъ первыхъ, считались предосудительными“ (Соколовскій, цит. соч., стр. 66—68).

³⁾ См. выше, стр. 78, примѣч. — Свидѣтельства о томъ, что въ эпоху общаго упадка нравовъ мужчины, состоящій въ бракѣ, могъ имѣть одну и даже нѣсколько „конкубинъ“, настолько многочисленны (см. сводъ ихъ у проф. Загурскаго въ „Уч. о законорожд.“, стр. 219—225 и 233—234), что нѣкоторые изслѣдователи затрудняются примирить съ ними тезисъ, выставленный однимъ изъ классическихъ римскихъ юристовъ: eo tem-

торыхъ упоминаютъ источники¹⁾. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что уже въ законодательствѣ императоровъ—язычниковъ подобные случаи рассматриваются какъ проступокъ, подвергающій виновнаго лишенію гражданской чести (*infamia*) согласно возврѣнію, закрѣпленному въ преторскомъ эдиктѣ²⁾.

роре, quo quis uxorem habet, concubinam habere non potest (*Pauli Sent.* II, 20, 1,—*Schultingii* o. с., р. 304), предполагая вставку писцомъ частицы non ради согласованія старой нормы съ позднѣшими узаконеніями (l. unic. Cod. V, 26; l. 3 Cod. УП, 15,—*Загурскій*, цит. соч., стр. 236—238). Не слѣдуетъ, однако, забывать, что слово *concubina* не всегда употребляется, особенно въ литературныхъ источникахъ, въ своемъ точномъ, терминологическомъ значеніи, съ какимъ оно является въ приведенной „сентенціи“ Павла, и что въ противопоставляемыхъ заявленію послѣдняго случаяхъ ничто не мѣшаетъ видѣть лишь фактическія отклоненія отъ указанной имъ нормы права. Средство противодѣйствія такимъ отклоненіямъ для жены, не желавшей мириться съ обиднымъ совмѣстительствомъ, давало широкое право развода; но гораздо дѣйствительнѣе была пенальная стипуляція, которую женщина, выходя замужъ, могла заключить съ своимъ будущимъ супругомъ на тотъ случай, если онъ *concubinae tempore matrimoni consuetudinem repetisset* (fr. 121 § 1 Dig. XLV, 1). При всемъ томъ, нельзѧ не согласиться, что принципъ строгой моногаміи терпѣль несомнѣнныи ущербъ при широкомъ распространеніи среди жениховъ наложничества, практически почти иичѣмъ не отличавшагося отъ легализованного конкубината.

1) Сохранилось, напр., извѣстіе, что Антоній имѣлъ двухъ женъ (*Plutarchi Comp. Dem. cum Ant.*,—ed. *Reiske* V, 256), и хотя оно сопровождается замѣчаніемъ, что это *πράγμα μηδενὶ Ρωμαίῳ τετολμηένον*, ио—съ другой стороны—есть указанія, что вопросъ о допустимости полигаміи возникалъ у нихъ даже въ законодательномъ порядкѣ, и при томъ не только въ древности (*Macrobius Saturnal.* I, 6), но и въ болѣе позднія времена. По свидѣтельству *Светонія Транквилла* (C. Julius Caesar, с. 52,—ed. *Tauhnitii* p. 24, Lipsiae 1829), Цезарь проектировалъ законъ, uti uxores liberogum quaeagerendorum causa, quas et quot vellent, ducere licet. Приведенные слова достаточно определены, чтобы показать неосновательность мнѣнія одного изъ старыхъ юристовъ, будто въ послѣднемъ случаѣ дѣло шло объ изданіи закона, имѣвшаго установить не общую норму, а лишь специальную привилегію для Цезаря (*Brissonii Ad legem Julianam de adulteriis*, с. 1,—*Орга minor*, р. 190. *Lugduni Batavorum* 1749).

2) По закону имп. Валеріана и Галліена (258 г.) eum, qui duas simul habuit uxores, sine dubitatione comitatur infamia и онъ долженъ быть признанъ виновнымъ въ stuprum; вступившая же по невѣдѣнію въ бракъ съ женатымъ хотя и не считается виновною, подобно ему, но должна возвратить все, полученное отъ мужа: nam ea quidem, quae tibi ut sponsae daturum promisit, quomodo repeteare cum effectu potes ut sponsa? (l. 18 Cod. IX, 9). То же самое повторяется въ конституціи имп. Діоклетіана

Тѣмъ строже и рѣшительнѣе должно было заявить себя торжество моногамического принципа на христіанской почвѣ, гдѣ брачное соединеніе одного мужа и одной жены рассматривается, какъ изначальный Божій законъ, осуществленный въ актѣ созданія первой супружеской четы и вновь подтвержденный въ новомъ завѣтѣ Христомъ¹⁾). Извѣстная уже намъ аналогія союза Его съ церковью, углубляя пониманіе мораль-ныхъ основъ брака, является здѣсь новымъ основаніемъ къ тому, чтобы настаивать на строгомъ единствѣ сопряженія, нравственно уподобляемаго названному союзу по глубинѣ и

(285 г.): *neminem, qui sub dicione sit romanis nominis, binas uxores habere posse vulgo patet, cum et in edicto praetoris huismodi viri infamia notati sunt* (l. 2 Cod. V, 5; cf. fr. 1 ad fin. Dig. III, 2).

¹⁾ Быт. I, 27; V, 2; Мате. XIX, 4.—По изъясненію отцовъ церкви и древне-христіанскихъ писателей, сотвореніе Богомъ только одной человѣческой пары уже само по себѣ свидѣтельствуетъ, что въ намѣреніи Творца устанавливаемый Имъ бракъ былъ союзомъ строго-моногамическимъ, исключающимъ саму мысль о „раздѣленіи одного ребра иа два“ (бл. Еренима Ер. LXXIX ad Salvinam, с. 10—*Migne*, Patr. lat. t. XXX col. 732) и соединеніи троихъ или четырехъ въ одну плоть (*Тертул.* De exhort. castit. c. 5,—*Migne*, Patr. lat. t. II, col. 969; *его же* De monogam. с. 4,—*ibid.* col. 983—984). Если бы Богу было угодно, чтобы существовала полигамія, хотя бы только послѣдовательная, т. е. „чтобы жену оставляли и брали другую, то Очъ, сотворивъ одного мужчину, создалъ бы много женщины“ (*Злат.* Homil. LXII, al. LXIII с. 1 in Matth.,—*Migne*, Patr. gr. t. LVIII, col. 597). Нарушенный впервые Ламехомъ (Быт. IV, 19), законъ моногамическаго супружества вновь восстановленъ при обновленіи земли потопомъ, когда не только люди (Ной съ своимъ семействомъ), но и животныя спаслись парными группами (Быт. VI, 18—20; VII, 13—17; *Тертул.* De monogam. с. 4,—*Migne*, Patr. lat. t. II, col. 984). Дальнѣйшая отклоненія отъ него въ вѣкъ патріарховъ хотя и находять себѣ нѣкоторое оправданіе въ естественно-соціальныхъ условіяхъ ихъ жизни (см. бл. Августина De bono conjug. с. 17, п. 20,—*Migne*, Patr. lat. t. XL, col. 387; *Тертул.* De exhort. castit. с. 6,—*Migne*, Patr. lat. t. II, col. 970), тѣмъ не менѣе не представляютъ собою идеального образца даже и для подзаконнаго іудейства, писанное законодательство котораго по этому предмету стоитъ ниже Богоустановленного естественного закона (*Злат.* Homil. XIII п. 4 in ep. ad. Rom.,—*Migne*, Patr. gr. t. LX, col. 511), восстановленаго снова Христомъ. „Господь, обновляющій ветхое (*παλαιά καινίζων*), не допускаетъ болѣе многобрачія (*οὐ πολυγαμίαν ἔτι συγχωρεῖ*), но вводить единобрачіе (*Климентъ алекс.* Strom. III, с. 12,—*Migne*, Patr. gr. t. VIII, col. 1184; ср. *Тертул.* De monog. с. 5: *si ita factum est a primordio, inventimus nos ad initia dirigi a Christo*,—*Migne*, Patr. lat. t. II, col. 984).

силъ взаимной преданности¹⁾. До какой степени недопустимъ съ чисто церковной точки зрѣнія представлялось прямое и грубое нарушеніе указанного принципа, можно судить по тому, что въ своихъ пенитенціальныхъ правилахъ древніе восточные отцы совсѣмъ умолчали о многобрачіи, какъ „дѣлъ скотскомъ и совершенно чуждомъ человѣческому роду“²⁾. Не иначе, конечно, должна была съ самаго начала отнестись къ этому явленію и государственная власть христіанской имперіи, не стоявшая въ данномъ случаѣ передъ необходимостию компромисса требованій высшей морали съ привычными взглядами общества,—и если, тѣмъ не менѣе, мы имѣемъ свидѣтельство о попыткѣ императора Валентиніана сдѣлать дозволеннымъ явленіемъ бигамію³⁾, то, не говоря уже о сомнительной достовѣрности самаго факта⁴⁾,

1) По изъясненію бл. Августина, подобно тому, какъ многоженство ветхозавѣтныхъ патріарховъ символически предѣзобразжало futuras nostras ex ospitiis gentibus ecclesias uni viro subditas Christo, такъ моногамической христіанскій бракъ significat ex omnibus gentibus unitatem uni viro subditam Christo (De bono conjug. c. 18, n. 21,—Migne, Patr. lat. t. XL, col. 388; ср. Тертул. De monog. c. 5,—Migne, Patr. lat. t. II, col. 985; его же De exhort. castit. c. 5, — ibid col. 969; Климентъ алекс. Strom. III, c. 11,—Migne, Patr. gr. t. VIII, col. 1173).

2) Св. Василія В. пр. 80: τὴν πολυαμίαν οἱ πατέρες ἀπεισώπησαν, ὡς κτητηῶδη καὶ παντελῶς ἀλλοτρίαν τοῦ γένους τὴν ἀκρῷων. Позднѣйшіе комментаторы, въ виду необычной исключительности настоящей полигаміи въ христіанской средѣ, склонны были изъяснять приведенные слова правила въ смыслѣ запрещенія послѣдовательного многобрачія, разумѣя подъ нимъ случаи превышенія нормы дозволенныхъ повторныхъ браковъ одного и того же лица (см. изъясненія Вальсамона и Зиари въ „Правилахъ св. отецъ съ толкованіями“, изд. Моск. Общ. Дух. Просв. стр. 364—366, М. 1884).

3) Извѣстіе объ этомъ содержится въ церковной исторіи Сократа (кн. IV, гл. 31). Здѣсь разсказывается, что императоръ, узнавъ отъ своей жены, Севери, о необычайной красотѣ дочери одного сенатора Юстины, пожелалъ жениться на послѣдней, не разводясь, однако, съ первой женой, отъ которой уже имѣлъ дочь; а чтобы оправдать въ общественномъ мнѣніи свой поступокъ, постарался придать ему видъ законности: νόμον οὖν ὑπαγεύσας, φημοσίᾳ προτίθησιν κατὰ πόλεις, ὥστε ἔξειναι τῷ βουλομένῳ δύο νομίμους ἔχειν γυναῖκας. καὶ ὁ μὲν νόμος προέκειτο (Socrati Scholastici et Hermiae Sororenii Historia ecclesiastica, ed. H. Valesii, p. 204—295, Amstelodami 1700).

4) Другихъ упоминаній о немъ, кромъ вышеупомянутаго, мы не встрѣчаемъ ни у одного изъ писателей (христіанскихъ и языческихъ), современныхъ или близкихъ по времени жизни къ описываемому событию

даже въ случаѣ признанія его здѣсь, по справедливому замѣчанію одного изслѣдователя, нужно видѣть не болѣе, какъ „vorübergehende Frivolit“¹⁾). Въ противовѣсь этому единичному и совсѣмъ не надежному указанію, официальные памятники византійского гражданскаго законодательства совершенно ясно говорятъ о томъ, что это послѣднее относительно занимающаго нась теперь предмета цѣликомъ усвоило себѣ запретительныя нормы дохристіанскаго права²⁾, дополнивъ ихъ съ своей стороны новыми узаконеніями, усиливающими мѣру уголовной отвѣтственности за ихъ нарушение³⁾). Но этимъ еще не исчерпываются заботы объ охраненіи моногамическаго принципа въ примѣненіи къ христіанскому браку. Нравственныя требованія христіанскаго сознанія, подкрѣпляемыя авторитетомъ церкви, шли гораздо далѣе: не только настоящая полигамія, но и послѣдовательное многобрачіе признавалось не соотвѣтствующимъ идеальному пониманію супружества, какъ союза *одного* мужа и *одной* жены. Нельзя сказать, чтобы эта мысль, естественно постулируемая

равно какъ не находимъ никакихъ признаковъ противодѣйствія изданному, будто бы, закону со стороны представителей церкви, которые не могли, конечно, оставаться совершенно равнодушными къ опредѣленію гражданской власти, столь явно идущему наперекоръ церковнымъ возарѣніямъ. Извѣстіе о двоеженствѣ Валентиніана повторяется лишь нѣкоторыми позднѣйшими писателями (св. Феодоромъ Студитомъ, Зонаромъ, Никифоромъ Каллистомъ), черпающими свои свѣдѣнія, очевидно, изъ той же исторіи Сократа. См. *Baronii—Annales ecclesiastici, ad an. Chr. 370, n. 124—128,—t. V, p. 318—319, Lucae 1739; Binghami — o. c., vol. VII, p. 426—430, Halae 1729.*

1) *Hasse, Das Gute Recht der Ehegatten, Bd. I, S. 27, Berl. 1824.*

2) *Basil. XXVIII, t. 5, l. 35: οὐδένα, ὅστις ἐπὸ τὴν πολιτείαν ἔστι Ρωμαιοῦ ὀνοματός, δέο γαμετᾶς δύνασθαι ἔχειν, φανεροῦ ἔστιν. ὅπότε καὶ ἐν τῷ διατάγματι τοῦ πραίτωφος οἱ τοιούτοι ἡτίμωνται* (ed. cit., t. III, p. 12); ср. выше-привед. I. 2 Cod. U, 5.

3) *Ecloga Leonis et Constantini, tit XVII, c. 35: ὁ δέο γαμετᾶς ἔχων, τυπτέοντος, ἐκδιώχομένου τοῦ ἐπεισῆκτον γυναῖον μετὰ τῶν ἐξ αὐτῆς τεχθέντων τέκνων.*—Помѣщеніе въ законодательныхъ сборникахъ столь поздняго, сравнительно, происхожденія опредѣленій, направленныхъ противъ бигаміи, не можетъ, конечно, свидѣтельствовать ни о терпимости въ отношеніи къ этому явлению христіанскихъ гражданскихъ властей предшествующаго времени, ни о широкомъ распространеніи бигаміи, какъ бытового явленія. Вѣроятно, случаи двоеженства, напр., въ эпоху изданія Эклоги, были не чаше, чѣмъ въ иаше время, когда это преступленіе также предусматривается уголовнымъ законодательствомъ.

правильнымъ пониманіемъ сущности супружеской любви¹). осталась совершенно чуждою до-христіанскому міру. Моральное преимущество воздержанія отъ послѣдующихъ браковъ по прекращеніи первого признавалось и виѣ христіанства, вмѣняясь въ добродѣтель, а иногда и въ прямую обязанность по крайней мѣрѣ—для одной стороны²). Но уже въ самой этой

¹⁾ Нормальный супружескій союзъ предполагаетъ, какъ мы видѣли, въ основѣ своей чувство исключительной привязанности, которая уже по одному этому должна быть признана неповторяемой во всей своей свѣжести и полнотѣ. „Цѣльная личность человѣческая“, по справедливому замѣчанію одного нашего изслѣдователя, „не можетъ раздвоиться; если одна личность отдалась другой вполнѣ и безраздѣльно, то невозможно, чтобы она такъ же полно могла отдаваться и въ другой разъ третьей личности“, тѣмъ болѣе, что изначала предполагаемая духовная близость супруговъ, при нормальному теченіи ихъ общей жизни, постепенно растеть и крѣпнетъ еще болѣе, преобразуясь въ концѣ концовъ въ самое глубокое, живое и тѣсное единство, не ограничиваемое въ своей силѣ и продолжительности возможностью тѣлесной близости между ними. Нельзя не согласиться, что при такихъ условіяхъ дѣйствительно „трудно, чтобы по прекращеніи такого союза заключаемый тѣмъ или другимъ супругомъ второй бракъ былъ подобенъ первому по искренности и энергіи жизненнаго общенія, а поспѣшность въ заключеніи новыхъ и новыхъ супружествъ прямо и ясно показывала бы въ супругѣ грубую природу и низкую степень духовнаго развитія“ (*Страховъ Н.*, цит. соч., стр. 98—99).

²⁾ Именно—для женщины, по отношенію къ которой мораль древнихъ отличалась вообще гораздо большею требовательностю. По возарѣніямъ древнихъ индусовъ, вдова, вышедшая замужъ вторично, кромѣ позора въ этомъ мірѣ навлекала на себя проклятие въ жизни загробной (*проф. Осиповъ*, Брачное право древняго востока, стр. 49; о мній обвязательности сожженія женъ на кострѣ вмѣстѣ съ тѣломъ умершаго мужа см. тамъ же, стр. 49—52). Менѣе рѣзко, хотя все же достаточно опредѣленно заявляетъ о себѣ тотъ же взглядъ на вѣрность жены своему умершему мужу въ греко-римскомъ мірѣ, гдѣ вторичное замужество создавало для женщины иѣкоторыя ограниченія въ религіозно бытовомъ отношеніи (*проф. Загурскій*, Ученіе о законнорожд., стр. 215), *multorum matrimoniorum experientia* рассматривалась *quasi legiitima* *cujusdam intemperantiae signum* и, наоборотъ, считалось почетнымъ наименование *univira* (*uni nupta viro*), нерѣдко обозначавшееся даже на надгробномъ камѣ такихъ вѣрныхъ первому браку женъ (*Zhishman*, о. с., S. 401). На мужа эта точка зреѣнія не распространялась потому, что на него возлагалась обязанность, имѣвшая религіозно-политическое значеніе: быть продолжателемъ рода, источникомъ нового поколѣнія чителей родового культа и гражданъ родного государства. Впрочемъ, есть основанія утверждать, что помимо сейчасъ указанныхъ побужденій вступленіе во второй бракъ признавалось и для мужчины дѣломъ не совсѣмъ нравственно-безразличнымъ.

односторонности примѣненія этической идеи даетъ себя чувствовать недостаточная ясность и полнота ея усвоенія. Надлежащее истолкованіе себѣ нашла она лишь въ христіанско-церковномъ воззрѣніи на предѣлы и условія повторяемости брака, одинаково свободномъ какъ отъ чрезмѣрной супровости аскетического ригоризма, такъ и отъ излишней уступчивости житейско-практическимъ интересамъ, коренящимся въ личныхъ человѣческихъ слабостяхъ или въковыхъ общественныхъ предразсудкахъ. Основу этого воззрѣнія составляетъ уже известное намъ, раскрытое выше, понятіе о супружествѣ, какъ полномъ и всестороннемъ единеніи двухъ человѣческихъ личностей, имѣющемъ свой высокій нравственный образецъ въ союзѣ Христа съ церковью. Такое единеніе не можетъ быть признано одинаково осуществимымъ при первомъ, „дѣвственномъ о Господѣ“ бракѣ и любомъ изъ послѣдующихъ. Утверждая противное, нужно было бы не только отказаться отъ послѣдовательнаго проведения сей часъ указанной аналогіи¹⁾, но и стать въ прямое проти-

Языческая классическая древность знала нѣкоторыя ограниченія религіозной правоспособности второбрачныхъ, аналогичныя церковнымъ постановленіямъ о недозволительности второго брака священнослужителей. Такъ, второбрачные не могли быть жрецами божества, именуемаго *Fortuna muliebris; pontifices maximi* и *flamines* должны были также обязательно быть единобрачными (*Rosbach*, o. c., S. 140; *E. Klee, Die Ehe, eine dogmatisch—archaologische Abhandlung*, S. 21. Mainz 1835).

1) Уподобленіе брака союзу Христа съ церковью нерѣдко служить у христіанскихъ писателей основаніемъ для заключеній о его неповторяемости. Такъ, св. Григорій назіан., разсуждая (въ словѣ 37) объ изреченіи апостола: „тайна сія велика есть, азъ же глаголю во Христа и во церковь“, говоритъ: „Мнѣ кажется, что это изреченіе не даетъ мѣста второму браку. Ибо если два Христа, то и два мужа, двѣ и жены, а если одинъ Христосъ, одна глава церкви, то и одна плоть, а всякая другая да будетъ отринута. Если же возбраняетъ второй (бракъ), то что сказать о третьемъ?“ (Творенія св. Григорія наз. въ р. перев., ч. III, стр. 220; соотв. мѣсто греч. подл.—у *Migne, Patr. lat. t. XXXVI, col. 292*). Нужно, впроч., замѣтить, что ссылка на примѣръ Христа и церкви въ этомъ и другихъ подобныхъ изреченіяхъ древне-христіанскихъ писателей имѣеть въ виду не столько установление числа дозволенныхъ браковъ, сколько уясненіе нравственной природы супружества, какъ совершенійшаго внутренняго единства. Здѣсь именно лежитъ истинный центръ тяжести указанной аналогіи; и поскольку супружескій союзъ, будетъ ли онъ первый, второй или третій, способенъ осуществить въ себѣ это духовное единство, постольку онъ и могъ мыслиться приближающимся къ своему высочайшему образду. Что

ворѣчіе съ требованіемъ здороваго естественаго чувства, просвѣтленнаго христіанскимъ сознаніемъ. Только супружескій союзъ лицъ, не знавшихъ до него иного сопряженія, способенъ, по естественно-психологическимъ причинамъ, соединить въ себѣ наиболѣе благопріятныя условія для того, что-бы развиться въ истинное подобіе своего священнаго первообраза, и только при вѣрности овдовѣвшаго супруга разъ даннымъ обѣтамъ осуществляется идеальь истинно-христіанской любви, не прекращающейся и со смертью того, кто былъ дорогимъ и близкимъ при жизни¹⁾. Вотъ гдѣ источникъ въ общемъ всегда неблагосклоннаго отношенія къ повторнымъ бракамъ, засвидѣтельствованнаго многочисленными памятниками христіанской письменности, начиная съ посланій апостольскихъ (напр. 1 Кор. VII, 7—9 и др.) и продолжая нравственно-аскетическими твореніями представителей церковной мысли въ послѣдующіе вѣка. Обиліе и настойчивость содержащихся въ нихъ наставлений, имѣющихъ цѣлью предотвратить возможность такихъ браковъ въ христіанской средѣ, выразительно свидѣтельствуютъ о существованіи здѣсь прочно установленнаго взгляда на нихъ, какъ на отклоненіе отъ идеальной нормы христіанскаго супружества. Но неуклонно развиваемый и поддерживаемый въ качествѣ нравственнаго тезиса, взглядъ этотъ не могъ быть проводимъ церковью въ жизнь ея членовъ со всею неумо-

---

эта мысль не была совершенно чужда древне-церковному сознанію, видно изъ того, что самый союзъ Христа съ церковью у одного изъ древнихъ отцовъ (св. Иларія пустынск.). представляется, какъ аналогія союзу *сторожевыхъ*. Вотъ его слова: *Viduam, quae a lege sit liberata, beatus Paulus transire ad nuptias alterius sine adulterii criminе docuit: inde exemplum omnem ad ecclesiam, qua legis se mortua Christo postea sociaret, aptavit* (Tract. in Psal. 57, n. 7.—*Migne, Patr. lat. t. IX, col. 446—447; см. еще tract. in Psal. 131, n. 24,—ibid. col. 742—743).*

1) Въ житіи блаж. Макріи, составленномъ св. Григоріемъ нисскимъ, повѣствуется, что она, побуждаемая родителями, послѣ смерти жениха, избрать себѣ другого, отвѣчала на это рѣшительнымъ отказомъ, указывая на то, что неприлично и беззаконно не уважать разъ сдѣланнаго выбора, такъ какъ бракъ по естеству есть одинъ, какъ одно рожденіе и одна смерть; при томъ же и прежній скончавшійся женихъ „живъ у Бога въ надеждѣ воскресенія“,—онъ только какъ бы удалился на время, и было бы безразсудно не соблюсти вѣрности отсутствующему (Творенія св. Григорія нисск., ч. VIII, стр. 334, М. 1871; греч. тѣкстъ у *Migne, Patr. gr. t. XLVI, col. 964*).

лимостью общебязательного закона¹⁾, встрѣчая ограничение себѣ въ справедливомъ требованіи снисхожденія къ человѣ-

1) Безусловно отрицательное отношение къ повторяемости браковъ, не согласное съ апостольскими наставлениями (Римл. VII, 3; 1 Кор. VII, 8—9; 39—40; 1 Тим. V, 14 и др.) и вытекавшее изъ слишкомъ язвенного, односторонняго пониманія сущности супружескаго полообщенія, былъ свойственъ въ древности лишь сектамъ монтанистовъ и новатіанъ (*Bingham* o. c. vol. IX, p. 279—282), считавшихъ *iterala conjugia* за прелюбодѣяніе и налагавшихъ на всѣхъ, чей бракъ расторгнутъ хотя бы и смертью другого супруга, требование обязательного безбрачія. Въ противоположность имъ церковь, одобряя въ своихъ членахъ воздержаніе отъ нового брака по прекращеніи первого, смотрѣла на воздержаніе, какъ на дѣло личной свободы (см. *Епифанія Наeres.* 48, с. 9,—*Migne*, Patr. gr. t. XLI, col. 868—869) и, порицая сектантскій ригоризмъ, требовала отъ присоединявшихъ новатіанъ, чтобы они, отрекаясь отъ своихъ заблужденій, давали письменное обѣщаніе во всемъ слѣдовать опредѣленіямъ каѳолической церкви и, между прочимъ, не уклоняться отъ общенія съ двоеженцами (1 Всел. соб. пр. 8). Рѣзкое уклоненіе отъ указанного сей-часъ церковнаго взгляда на этотъ предметъ, замѣчаемое въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ *Тертулліана* (напр. De monogamia с. 10,—*Migne*, Patr. lat. t. II, col. 992—993), находитъ себѣ объясненіе въ увлечениіи его идеями монтанизма. Правда, и изъ числа церковныхъ писателей древне-христіанской эпохи можно указать нѣсколькихъ, у которыхъ встрѣчаются весьма неблагопріятныя сужденія даже о второмъ бракѣ (см., напр., *Авинагора Legat. pro christ.*, с. 33,—*Согр. apologet. ed. Otto*, t. VII, p. 172; р. перев. свящ. *Преображенскаго* въ Соч. древн. христ. апологетовъ, стр. 118, М. 1867), не говоря уже о послѣдующихъ, при чемъ, вопреки мнѣнію западныхъ ученыхъ (*Binterim*, Die vorzügl. Denkwürdigkeiten der christ-katholisch. Kirche, Bd. VI, Th. 1, S. 331—335. Mainz 1838; *Zhishman*, o. с., S. 407—408), не проводится послѣдовательного разграничевія между случаями прекращенія прежняго брака смертью одного изъ супруговъ или разводомъ. Но что въ подобныхъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло не съ общеперковымъ возарѣвіемъ извѣстной эпохи, а лишь съ частными взглядами отдѣльныхъ лицъ, не трудно убѣдиться изъ сопоставленія такихъ заявлений съ другими, выражавшими иной взглядъ, и при томъ вполнѣ согласный съ наставлениями апостольскими. „Сочетавшіеся первымъ бракомъ—говорить, напр., св. *Кириллъ іерус.* въ своемъ IV огласит. поученіи (гл. 26)—да не унижаютъ вступившихъ во второй бракъ. Воздержаніе—дѣло прекрасное и достойное удивленія, но извинительно вступить и во второй бракъ, чтобы немощнымъ не жить блудно“ (*Migne*, Patr. gr. t. XXXIII, col. 488—489; р. перев. въ *Твор. св. Кирилла, архіеп. іерус.*, изд. 2-е, стр. 57, Серг. Пос. 1893). По словамъ *Клиmenta alex.*, признававшаго за норму христіанскаго супружества союзъ первобрачныхъ (см. *Strom.* II, с. 23,—*Migne*, Patr. gr. t. VIII, col. 1085; cf. *Strom.* III, с. 11,—ib. col. 1173), и вступающей во второй бракъ „не грѣшишь по закону“ (*οὐχ ἄμαρτανεις μὲν κατὰ διαθήκην*), а только „не выполняешь усиленнаго совершенство-

ческой природѣ, способной испытывать вновь чувство любви и искать новой привязанности послѣ того, какъ распался существовавшій ранѣе брачный союзъ. Идти наперекоръ естественнымъ запросамъ этого рода, противопоставляя имъ безусловное требование единобрачія, во многихъ случаяхъ значило бы подвергать непосильному искушенію человѣческое несовершенство и отдавать его въ жертву невоздержанія, находящаго себѣ удовлетвореніе во внѣбрачныхъ связяхъ. Отсюда вполнѣ понятнымъ становится раскрываемый древне-христіанскими писателями церковно-аскетической взглядъ на повторяемость брака, какъ на *πορνείας παραμέθειον*—предохранительное средство противъ полового невоздержанія¹⁾. Но *многократное обращеніе* къ „врачевству“, конечно, свидѣтельствовало бы о крайне нездоровомъ нравственномъ состояніи, не соотвѣтствующемъ достоинству христіанина, и потому естественно не могло встрѣтить сочувствія и одобренія себѣ со стороны церкви. „*Non prohibemus secundas nuptias, sed non probamus saepae repetitas*²⁾—вотъ общая древне-церковная точка зрѣнія на послѣдовательное многобрачіе, соотвѣтственно которой представители церковной власти, заботясь о „подобающемъ христіанской жизни благоприличіи“, настойчиво стремились къ тому, чтобы насколько возможно ограни-

---

ванія жизни по евангелію“ (*οὐ πληρεῖ δὲ τῆς κατὰ τὸ εὐαγγέλιον πολιτείας τὴν καὶ ἐπίτασιν τελειότητα*),—Strom. III, с. 12 (*Migne, Patr. gr. t. VIII, col. 1184*). Ср. еще Оригена in Hierem. homil. XIX, п. 4 (*Migne, ib. t. XIII, col. 508*) и in Luc. homil. XVII ad fin (*ibid. col. 1846—1847*), св. Иоанна Злат. Homil. XV in Tim. V, 11—15, п. 1 (*Migne, ib. t. LXII, col. 579*), Амфилогія иконійск. Orat. de occursu Domini, с. 7 (*Migne, ib. t. XXXIX, col. 55*) и др.

1) Св. Вас. В. пр. 87; ср. „remedium incontinentiae“ и „solatium miseriae“ у бл. Иеронима въ Ер. 48 ad Pamphach. п. 14, 18—*Migne, Patr. lat. t. XXII, col. 505* и 508; р. перев. въ Творен. бл. Иеронима, изд. Киевск. дух. акад., ч. 2-я, стр. 36. Та же самая мысль, только въ другихъ выраженіяхъ, высказана этимъ авторомъ въ Ер. 79 ad Salvinam, с. 10, гдѣ разъясняется, что апостолъ, разрѣшая (въ 1 Кор. VII, 9) одновѣвшиимъ вступать въ иовый бракъ, если не могутъ хранить воздержанія, имѣетъ въ виду *non stantibus coronam, sed jacentibus manum porrigitere* (*Migne ib. col. 732*; р. перев. въ цит. изд., стр. 346). Ср. мѣста изъ другихъ церк. писателей, указанныя въ концѣ предыдущ. примѣчанія.

2) *Амеросія медіол.* De viduis, с. 11.—*Migne, Patr. lat. t. XVI, col. 268*; р. перев. въ цит. изданіи твореній иааз. св. отца по вопросу о бракѣ и дѣвствѣ, стр. 98.

чить повторяемость браковъ. Въ особенности это нужно сказать относительно церкви восточной¹⁾, взглядъ которой на этотъ предметъ нашелъ себѣ довольно полное и точное выражение въ слѣдующихъ словахъ „Апостольскихъ Постановленій“ (кн. III, гл. 2): „Вы должны знать, что единобрачіе, бывающее по закону, правильно, какъ согласное съ волей Божией; второбрачіе послѣ обѣта (чистаго вдовства) беззаконно—не само по себѣ, а вслѣдствіе невѣрности (данному обѣту); троебрачіе—знакъ невоздержанія; сверхъ же третьяго брака—

¹⁾ Что касается западной половины христіанскаго міра, то здѣсь, въ противоположность аскетической тенденціи востока, съ раннихъ поръ устанавливается, въ несомнѣнной зависимости отъ нравственныхъ традицій и юридическихъ нормъ, уиаслѣдованныхъ изъ до-христіанской эпохи, болѣе снисходительное возарѣие на повторяемость христіанскаго брака. Выраженіе такого возарѣнія мы находимъ, напр., у того же бл. *Иеронима*, принципіальный взглядъ котораго на сравнительное достоинство перваго и послѣдующихъ браковъ намъ уже извѣстенъ. По его словамъ, „церковь не осуждаетъ ии вторыхъ, ни третьихъ браковъ, и точно такъ же позволяетъ выходить замужъ за пятаго, шестого и т. д. мужа, какъ и за второго... Не осуждаю—продолжаетъ онъ—вторыхъ, ни третьихъ, даже, если можно сказать, осмыxъ браковъ: пусть иная приметь и осьмого мужа, только бы перестала любодѣйствовать“ (*Epr. ad Rammascb.* c. 18,—*Migne*, Patr. lat. t. XXII, col. 508; р. перев. по цит. изд. ч. 2, стр. 42—43. Ср. еще замѣчат. разскѣзъ того же бл. *Иеронима* въ письмѣ его къ Агерухіи,—*Migne*, ib. col. 1052). Подобныя же сужденія встрѣчаемъ и у другого авторитетнаго учителя западной церкви, блаж. *Августина*, въ его трактатѣ *De bono viduitatis* (с. 12): основываясь на темъ, что апостолъ предоставляетъ женѣ по смерти мужа (безъ обозначенія—какого: первого, второго и т. д.) свободу вступать въ новое супружество, а также на иѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ священнаго писанія, онъ признаетъ дополнительнымъ, чтобы *quoties voluerit, viris mortuis, nubat semina*, и не рѣшается, боясь противорѣчія съ писаніемъ, осуждать какой бы то ни было бракъ (*Migne*, Patr. lat. t. XL, col. 439—440). Позднѣйшія свидѣтельства показываютъ, что въ этомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло не съ частными и исключительными мнѣніями отдельныхъ лицъ, а съ господствующимъ возарѣніемъ христіанскаго запада, иезамѣнио удержавшимся здѣсь на пространствѣ многихъ вѣковъ (судя по указаніямъ западныхъ пенитенциаловъ, напр. Феодора кентерберійскаго и др., опредѣляющихъ епитиміи вступившимъ въ четвертый, пятый и шестой бракъ, *vel plus, безъ рассторженія этихъ браковъ*,—см. *Vering's Lehrbuch des Kirchenrechts*, 3-е Aufl., S. 913), вплоть до настоящаго времени. На востокѣ снисходительность къ послѣдовательному многобрачію никогда не простидалась такъ далеко, хотя и здѣсь предѣльная норма (третій бракъ), какъ увидимъ ниже, установилась въ законодательномъ порядкѣ не сразу.

явный блудъ и очевидное любострастіе¹⁾). Болѣе подробное раскрытие получилось этотъ взглядъ въ цѣломъ рядѣ каноническихъ опредѣленій, доселѣ сохраняющихъ за собою значеніе нормъ дѣйствующаго права православной церкви. Какъ видно изъ этихъ опредѣленій, церковь, согласно наставлению апостола, не закрывая для вдовствующихъ лицъ возможности вступать въ новый бракъ, тѣмъ не менѣе отдавала явное предпочтеніе обрекшимъ себя на воздержаніе и не только устранила второбрачныхъ отъ полученія священнаго сана²⁾, но и налагала на нихъ очистительную епитимію

¹⁾ Приводимъ и подлинный текстъ указанного мѣста въ виду трудности передать его по - русски безъ сдѣланнныхъ въ скобахъ пояснений: *Καὶ τοῦτο γὰρ εἰδέναι ὁφεῖτε, ὅτι μονογαμία μετ’ οὐκομένη, δικαία, ὡς ἀν κατὰ γυνάκην Θεοῦ ὑπάρχοντα διγαμία δὲ μετὰ ἐπαγγελίαν παράγοντον, οὐ διὰ τὴν συνάφειαν, ἀλλὰ διὰ τὸ φεῦδος. τριγαμία δὲ, ἀκρασίας σημείον, τὸ δὲ ὑπὲρ τὴν τριγαμίαν, προφανῆς πορνείας καὶ ἀσέλγειας ἀναμφίβολος* (Pitra, Juris eccles. graec. hist. et. mon. t. I. p. 225).

²⁾ Основаніе для такого устраниенія дано въ апостольскихъ наставленихъ (1 Тим. III, 2, 12; Тит. I, 5—6) о томъ, что посвящаемый въ санъ епископа, пресвитера или диакона долженъ быть „мужемъ одной жены“ (*μιᾶς γυναικὸς ἄνηρ*). Принимаемое нѣкоторыми истолкованіе даинаго выраженія въ смыслѣ отрицательного указанія на настоящую полигамію, какъ препятствіе къ вступлению въ разрядъ священиослужащихъ лицъ, представляется на нашъ взглядъ рѣшительно неудобопримлемымъ какъ по несоответствію съ аналогичнымъ ограниченіемъ касательно зачисляемыхъ въ чинъ церковныхъ „вдовицъ“ (*γεγεννῆται ἔνδος ἀνθρόπου γυνή*,—1 Тим. V, 10), такъ и, въ особенности, въ виду сказаннаго раньше (стр. 279—284) объ изначальной недопустимости многоженства въ христіанскомъ мірѣ вообще, а ие для однихъ только лицъ духовныхъ (сн. Полянского П. Первое посланіе св. ап. Павла къ Тимофею, опытъ историко-эзегетическаго изслѣдованія, стр. 356—361, Серг. Пос. 1898). Каноническое право церкви въ своихъ положительныхъ предписанияхъ, примыкающихъ по содержанию къ указаннымъ наставлениямъ, даетъ распространительный комментарій послѣднихъ, устрания отъ занятія высшихъ священныхъ должностей не только дѣйствительно имѣвшихъ по крещеніи, одну за другою, двухъ женъ (ап. пр. 17; св. Вас. В. пр. 12), но и тѣхъ, чьи браки представляютъ лишь аналогию послѣдовательной бигаміи по дѣйствительному или съ вѣроятностію предполагаемому сожительству изъ женъ ранѣе съ другими мужчинами (см. ап. пр. 18 съ толкованіями на него Зонары и Вальсамона—въ *Σύντ. Рαλλι* и *Ποτλι*, т. II, стр. 25—26; р. перев. въ Правилахъ св. апост. съ толкованіями, изд. Моск. Люб. Дух. Просвѣщ., стр. 33—34, М. 1887). Ср. многочисленныя свидѣтельства о томъ же древне-христіанскихъ писателей—у *Bingham'a*, о. с. vol. II, р. 153—158, Halae 1725. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что данное ограничение

(анкір. соб. пр. 19). Тѣмъ болѣе, разумѣется, подвергались этой послѣдней *oi πλειστοις γάμοις περιπλογτες* (неокес. пр. 3),

ніе церковной правоспособности не всегда и не всегда признавалось безусловно обязательнымъ: какъ видно изъ письма блаж. Феодорита къ антіох. патріарху Домну, въ восточной церкви бывали случаи постановленія второбрачныхъ даже въ епископскій санъ (см. *Migne, Patr. gr. t. LXXXII, col. 1305—1306*), не говоря уже о двухъ остальныхъ іерархическихъ степеняхъ (фактическія указанія, относящіяся къ нимъ, см. у *Zhitman'a*, о. с., с. 419—440 и въ статьѣ *П. Феофилова*—„Больной вопросъ“ въ Церк. Вѣсти за 1906 г., № 15, ст. 472). Безъ сомнѣнія, это были лишь частныя отклоненія отъ общечерковнаго порядка, установленного вышеуказанными правилами; но что фактическія нарушенія его не были чрезвычайно рѣдкостью въ отдаленный отъ насы времени, можно видѣть, между прочимъ, и изъ того, что являлась надобность въ неоднократномъ подтвержденіи этого порядка авторитетомъ государственной власти (см. юстиніан. Nov. VI, с. 1, § 3; той же нов. с. 5; Nov. CXXIII, с. 12; Nov. CXXXVII, с. 1), содѣйствіе которой не избавило, все-таки, самихъ церковныхъ дѣятелей отъ необходимости и впредь считаться съ тѣми же нарушеніями строгихъ каноническихъ требований. Почти то же самое нужно сказать и по оживленно дебатируемому за послѣднее время въ нашей духовной литературѣ вопросу о дозволительности вдовъмъ священнослужителямъ вступать въ новый бракъ (см. сводъ мнѣній объ этомъ предметѣ—въ Правосл. Путеводителѣ за 1906 годъ, т. I, стр. 760—766, 854—869; т. II, стр. 66—79, 145—155, 214—221 и д.). Въ строгомъ соотвѣтствіи съ буквой церковныхъ каноновъ, запрещающихъ вступленіе послѣ хиротоніи даже и въ первый бракъ (ап. пр. 26; неокес. пр. 1; трул. соб. пр. 6: сн. Апост. Постан. кн. VI, гл. 17—у *Pitva*, о. с., т. I, р. 325), и съ общей аскетической тенденціей въ отношеніи къ девтерогамії отвѣтъ на этотъ вопросъ возможенъ лишь отрицательный (см. 3-е пр. трул. соб. съ толков. Аристина—въ *Συγγ.* т. II, р. 314—315; р. перев. въ Пр. св. всел. соб. съ толкованіями, изд. Моск. Общ. Люб. Дух. Просв., ч. 2, стр. 457—458). Позднѣйшіе византійскіе канонисты—комментаторы, усвоивъ указанную сейчасъ точку зрѣнія, въ послѣдовательномъ развитіи ея идутъ такъ далеко, что признаютъ иедопустимымъ второй бракъ священниковъ даже и въ случаѣ снятія ими сана, ибо не позволительно имъ „единожды освященный тѣла свои осквернять (?) вторымъ бракомъ“ (толков. Вальсамона на 44 пр. св. Василія В.—въ изд. Общ. Люб. Дух. Просв. стр. 297). Но древняя практика церкви знаетъ и здѣсь фактическія отклоненія отъ установленной нормы, которая могли бы быть указаны, какъ историческій прецедентъ, тѣми, кто думаютъ, что установленіемъ большей синходительности къ человѣческимъ немощамъ въ наши дни церковь могла бы „преуспѣть на лучшее“.—О второбрачіи, какъ препятствіи къ рукоположенію въ священныя степени (или—по терминологіи католическаго церковнаго права—*irregularitas sacramenti*), кромѣ болѣе или менѣе краткихъ указаний въ курсахъ церковнаго права и довольно обстоятельныхъ—въ неоднократно процитованномъ выше

т. е. вступившіе въ третіи бракъ (см. Вас. В. пр. 4), при чёмъ продолжительность покаянія естественно удлинялась сообразно возрастающей степени отклоненія отъ идеальной нормы христіанскаго супружества¹⁾). Не менѣе характернымъ

трудъ *Zhishman'a* (с. 416—433), специально трактують *Müller—De bigamia, irregularitatis fonte et causa (dissert. inaugur.)*, Vratisl. 1868 и *Sachsse—Die Lehre vom defectus sacramenti*, Berl. und Leipz., 1881.

¹⁾ Продолжительность эпитиміи за второбрачіе, по-видимому, первона-чально не была опредѣлена съ точностью, какъ можно судить на осно-ваніи 1 пр. лаодикійского собора: адѣсь правильно (ἐλευθέρως καὶ νομίμως) вступившихъ во второй бракъ предписывается принимать въ общеніе „по прошествіи непродолжительного времени и по упражненіи въ молит-вахъ и постѣ“, при чёмъ есть даже возможность полагать, что имѣются въ виду ие опредѣленныя формы публичнаго покаянія, а лишь нѣкото-рыя сверхобычныя благочестивыя упражненія, предписываемыя иногда въ древнихъ церковныхъ правилахъ и пенитенціалахъ вступающимъ и въ первый бракъ (см. *Binterim*, о. с. Bd. VI, Th. 1, S. 359—360). Впрочемъ, уже и въ этомъ правилахъ (въ словахъ: κατὰ τὸν ἐκκλησιαστικὸν κα-νόνα) можно, кажется намъ, усматривать нѣкоторый намекъ на устанав-ливавшуюся тогда (около половины IV вѣка) въ церковной практикѣ твердую норму отношеній къ второбрачнымъ, становящимся вскорѣ по-томъ въ ряды публично кающихся. Явились и болѣе точные опредѣле-нія „непродолжительного времени“ ихъ покаянія. По словамъ св. Василія В. (пр. 4), въ его время, т. е. въ 70-хъ годахъ того же IV в., одни отлучали второбрачныхъ на годъ, а другіе на два; самъ св. отецъ скло-нился, по-видимому, въ сторону большей нормы, насколько можно су-дить по опредѣленію у него эпитиміи за троебрачіе. На послѣднее, по строгому взгляду древней восточной церкви, нашедшему себѣ выраже-ніе въ каноническихъ правилахъ того же св. Василія, „вѣтъ закона“, почему и случаи вступленія въ третій бракъ рассматриваются адѣсь, какъ „нечистоты въ церкви“ (εὐπάγματα τῆς ἐκκλησίας—Василія В. пр. 50). Однако, по снисхожденію къ человѣческой немощи, и третій бракъ не былъ воспрещенъ совершенно, какъ союзъ все же лучшій, чѣмъ рас-путное любодѣяніе, и вступившіе въ него не подвергались „всенародному осужденію“ (т. е. расторженію ихъ сожительства, по толкованію Вальса-мона.—см. Правила св. оо. съ толков., изд. Моск. Общ. Люб. Дух. Просв., стр. 312. М. 1884). Но, разумѣется, они должны были, подобно второбрач-нымъ, пройти извѣстный путь покаянія, продолжительность котораго увеличивалась „по соразмѣрности“: во времена св. Василія В. троебрач-ныхъ отлучали на три, а иногда и на четыре года, самъ же онъ, слѣ-дя также обычаю и примѣру предшественниковъ, находилъ справедли-вымъ назначать въ этомъ случаѣ пятилѣтній срокъ эпитиміи (т. е. вы-шшую норму, откуда слѣдуетъ заключить, что и для второбрачныхъ, „по-соразмѣрности“, норма покаянія признавалась имъ двухлѣтняя, а не одногодичная эпитимія). При этомъ отбывающіе покаяніе въ первые два или три года допускались лишь къ слушанію писаній, а потомъ и къ

показателемъ неблагосклоннаго взгляда церкви на второй и третій бракъ является и вѣковая практика касательно способа ихъ установлѣнія, не тождественная съ той, какая примѣнялась къ союзу первобрачныхъ¹⁾. Что касается, затѣмъ, дальнѣйшаго „многобрачія“²⁾, переступавшаго мѣру церковной снисходительности, то примѣненіе къ нему 80-го правила св. Василія В. указывало виновному быть единолично плачущимъ, три лѣта припадающимъ, и уже только потомъ—по истеченіи извѣстнаго, опредѣляемаго усмотрѣніемъ духовника, времени пребыванія въ разрядѣ слушающихъ и въ общемъ стояніи съ вѣрными, но безъ права участія въ евхаристіи—открывало вновь доступъ къ церковному общенію³⁾. Самая возможность возстановленія своей церковной правоспособности указаннымъ путемъ для впавшихъ въ грѣхъ послѣдовательнаго „многобрачія“ необходимо обусловливалаась тѣмъ, что они прежде всего—„оставятъ гнусное дѣло и расторгнутъ незаконный бракъ“⁴⁾.

стоянію съ вѣрными во все продолженіе церковной службы, только безъ права „пріобщенія святыни“ (пр. 4). Послѣдня замѣчанія указываютъ на важную перемѣну, происшедшую въ пенитенціальной практикѣ со времени лаодикійскаго собора: лица, подвергаемыя эпитетомъ за вступленіе въ третій и второй бракъ, ставятся въ опредѣленные разряды кающихся и проходятъ опредѣленныя ступени публичнаго покаянія. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что всѣ эти каноническія опредѣлѣнія о продолжительности церковнаго покаянія второбрачныхъ и троебрачныхъ, какъ и всѣ вообще указанія касательно сроковъ эпитетомъ, не отличались характеромъ безусловной обязательности и имѣли больше формальное, чѣмъ практическое значеніе, подвергаясь сокращеніямъ въ силу общаго права диспенсаціи по вниманію къ душевному настроенію кающагося и еще больше—къ измѣнившемся требованіямъ жизни (см. подробное разъясненіе этого въ 120 пр. трул. соб. и въ Номоканонѣ, носящемъ на себѣ имя п. Иоанна Постника,—проф. А. С. Чавловъ, Номоканонъ при Большомъ Требникѣ, изд. 2-е, стр. 18—28, М. 1897).

¹⁾ Подробнѣе объ этомъ см. въ *нашей* статьѣ „О вторыхъ и третьихъ бракахъ въ православной церкви“ (Богосл. Вѣстн. за 1902 г., окт., стр. 149—168).

²⁾ О значеніи этого названія въ примѣненіи къ послѣдовательнымъ бракамъ см. у Милованова, дит. соч. стр. 116—117.

³⁾ Такъ понимаемъ мы опредѣленіе св. отца относительно срока эпитетомъ за „многобрачіе“, слѣдя авторитетному руководительству знаменитыхъ комментаторовъ—Зоиары и Вальсамоиа (см. Прав. св. оо. съ Толков., изд. Моск. Общ. Любит. Дух. Просв., стр. 365—366).

⁴⁾ Толкованіе Аристина на 80 пр. св. Василія В.—тамъ же, стр. 356.

Возрѣніе на повторяемость христіанского брака, настойчиво проводимое въ жизнь церковью, не осталось чуждымъ и законодательству византійскихъ императоровъ, развившемуся на основѣ до-христіанского римского права, но подъ постояннымъ и сильнымъ вліяніемъ церкви. Вліяніе это въ данномъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, должно было обнаружиться постепеннымъ преобразованіемъ юридическихъ опредѣленій, сложившихся въ періодъ господства иныхъ, чуждыхъ христіанскому аскетизму, нравственныхъ понятій и идеаловъ. Хотя, какъ мы видѣли, древнему миру и не была совершенно чуждою мысль о моральномъ превосходствѣ воздержанія послѣ первого брака надъ вступленіемъ въ послѣдующіе, тѣмъ не менѣе эта мысль не имѣла здѣсь большого практическаго воздействиія, и римское право до-христіанской эпохи допускало не только второй и третій, но и дальнѣйшіе браки безъ ограниченія ихъ числа, съ соблюденіемъ только извѣстнаго промежутка между прежнимъ и новымъ супружествомъ при нѣкоторыхъ случаяхъ развода и съ запрещеніемъ овдовѣвшей женѣ вступать въ новый бракъ прежде, чѣмъ истечетъ узаконеніе *tempus lugendi*, въ случаѣ прекращенія брака смертю мужа¹⁾). Такое отношеніе къ повторяемости брака стояло въ очевидномъ разладѣ съ взглядомъ на тотъ же предметъ, твердо установленніемъ, какъ мы видѣли, преимущественно въ восточной, болѣе силь-

¹⁾ Указанное замедленіе возможности для жены вступить въ новый бракъ имѣло единственную цѣлью—предотвратить *turbatio sanguinis* и потому въ своей продолжительности соразмѣрялось съ наиболѣшимъ срокомъ беременности (10 мѣсяцевъ), принятымъ въ римскомъ правѣ. Такой именно смыслъ данного ограниченія ясно открывается изъ того, что вдова, оставшаяся беременіей послѣ смерти мужа и родившая раньше указанного срока, могла не только обручиться, но и вступить въ новый бракъ, не дожидаясь истеченія *temporis lugendi* (проф. Загурскій, Ученіе о законорожд., стр. 35; *его же* Ученіе объ отцовск. власти, стр. 44). Что касается овдовѣвшаго мужа, то онъ считался *saelebs* со дня смерти жены и могъ хоть тотчасъ же вступить въ новый бракъ. До какой степени при этомъ была чужда правовому сознанію мысль о какомъ либо понужденіи къ безбрачію послѣ наступившаго вдовства, можно судить по тому, что законодательствомъ Августа (вышеупом. *I. Julia et Papia Poprea*) бездѣтные вдовцы даже обязывались вступать въ новый бракъ, если желали избѣгнуть невыгодныхъ послѣдствій бездѣтности и безбрачія (проф. К. ф.—Чиларжъ, Учебникъ институцій, стр. 296—297).

ной и вліятельной половинѣ древне-христіанскаго міра, и потому не удивительно, если уже въ законодательствѣ первыхъ христіанскихъ императоровъ мы встрѣчаемся съ определеніями, въ которыхъ замѣтна тенденція перенести церковную точку зрѣнія на второбрачіе и въ область гражданскихъ законовъ. Тенденція эта обнаруживается, съ одной стороны, въ сокращеніи числа законныхъ оснований для развода¹⁾, чѣмъ сама собою сокращалась и возможность повторенія браковъ, съ другой—въ усиліяхъ отодвинуть возможно дальше послѣдующій бракъ отъ предыдущаго и затруднить доступъ къ нему для овдовѣвшей половины брачной четы²⁾). Однако ни въ императорскихъ конституціяхъ, вошедшихъ въ юстиніановскій Codex, ни даже въ новеллахъ самого императора Юстиніана и его ближайшихъ преемниковъ мы еще не находимъ прямыхъ ограничительныхъ постановленій относительно дозволенного числа послѣдовательныхъ бра-

¹⁾ Объ этомъ болѣе подробно будетъ сказано далѣе.

²⁾ Въ этомъ отношеніи слѣдуетъ отмѣтить прежде всего измѣненіе продолжительности и значенія *temporis lugendi*. Конституція имп. Граціана, Валентіана и Феодосія, изданная въ 381 г., узаконяетъ полный, 12-мѣсячный *annus luctus*, признавая при томъ же и этотъ срокъ слишкомъ короткимъ (I. 2 Cod. V, 9). Очевидно, прежній мотивъ относительно *turbatio* отступаетъ адѣсь совсѣмъ на задній планъ, уступая мѣсто новому—необходимости для вдовы если не полнаго, то возможно болѣе продолжительного воздержанія отъ вступленія въ новый бракъ. На ряду съ этимъ императорская узаконенія, относящіяся къ той же эпохѣ, подвергаютъ какъ женщину, такъ и мужчину, вступающихъ во второй бракъ, иѣкоторымъ имущественнымъ невыгодамъ, ограждая и поддерживая этимъ самымъ интересы дѣтей, прижитыхъ второбрачными супругами отъ первого брака (см. Cod. Theodos. lib. III, tit. 8—9). Законодательство Юстиніана идетъ въ этомъ направлении еще дальше, вводя цѣлый рядъ новыхъ ограниченій имущественныхъ и наслѣдственныхъ правъ лицъ, вступающихъ во второй бракъ (I. 1 Cod. V, 9; Nov. XXII, 22 и др.) Однако и здѣсь эти ограниченія по прежнему вызываются желаніемъ оградить интересы первобрачныхъ дѣтей и едва-ли могутъ быть понимаемы какъ прямое отраженіе неблагосклоннаго взгляда на самое второбрачіе (*проф. Загурскій, Ученіе о законорожд.*, стр. 35—42). Вліяніе такого взгляда можно усматривать только въ усвоенномъ юстиніановскимъ законодательствомъ изъ канонического права запрещеніи посвящать въ духовный санъ вдовца, вступившаго во второй бракъ, и мужчину, женатаго на вдовѣ (см. выше, стр. 288—290). За исключеніемъ этихъ, особенныхъ по своему религіозно-служебному положенію лицъ, повторительный бракъ для всѣхъ прочихъ не считался недозволеннымъ.

ковъ. Не содержится такого постановления и въ Эклогѣ, законодательномъ кодексѣ императоровъ-иконоборцевъ, хотя ея совершенное умолчаніе о третьемъ бракѣ, по замѣчанію одного изъ нашихъ ученыхъ канонистовъ, открываетъ возможность двойкаго предположенія: или—что названный законодательный памятникъ оставляетъ въ полной силѣ ранѣе дѣйствовавшія узаконенія обѣ этомъ предметѣ, или наоборотъ, что Эклога, вполнѣ принимая церковный взглядъ (и даже—прибавимъ—нѣсколько утрируя его), своимъ умолчаніемъ о третьемъ бракѣ желаетъ показать, что считаетъ его юридически-невозможнымъ¹⁾). Вѣроятность послѣдняго предположенія, вполнѣ соотвѣтствующаго общему духу и характеру узаконеній Эклоги по вопросамъ брачнаго права, находить себѣ подтвержденіе въ предпринятой всего черезъ полстолѣтіе съ небольшимъ (ок. 800 г.) законодательной попыткѣ имп. Ирины сдѣлать безусловно недозволеннымъ на будуще время третій бракъ и слѣдующіе за нимъ²⁾. На практикѣ, правда, и послѣ того еще продолжали встрѣчаться случаи даже четвертаго брака; но въ области гражданскаго правосознанія отрицательное отношеніе къ нему упрочилось уже настолько, что этимъ не могли не считаться, при предпринятомъ ими всестороннемъ пересмотрѣ законодательства, императоры македонской династіи, стремившіеся по мѣрѣ возможности реставрировать основоположенія юстиніановскаго права. Четвертый бракъ не только не былъ ими признанъ дозволеннымъ но и прямо объявленъ подлежащимъ расторженію, дѣти отъ него—незаконными, а вступившіе въ такой бракъ—виновными наравнѣ съ осквернившими себя блудомъ. За то третій бракъ казалось возможнымъ дозволить вновь, и при томъ на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ, какъ и второй (*ѡ̄στε οὐρ τὰ αὐτὰ διακαία προβάνεις καὶ ἐπὶ τοῦ τρίτου συνοικέσθιον, διόβα καὶ ἐπὶ τοῦ δευτέρου*), т. е. съ примѣненіемъ одинаковыхъ гражданскихъ послѣдовательныхъ и оди-

¹⁾ Проф. Суворовъ Н. С. Объемъ дисциплинарного суда и юрисдикціи церкви въ періодъ вселенскихъ соборовъ, стр. 278—279, Яросл. 1884.

²⁾ *Ὀρίζομεν παντὶ τρίτον συνοικέσθιον καὶ ἐπέκεινα μὴ γίνεσθαι, ὡς ἀλλοτρια τῆς Θείας ἀποστολικῆς διατάξεως* (разумѣются изв. наставлени св. ап. Павла, говорящія о дозволительности второго брака и умалчивающія о третьемъ) *καὶ δένα τῆς χοιστικης ἀγχιστοίας* (*Zachariae, Jus graeco-roman.*, т. III, р. 60; то же въ *Σύντ.* Ралли и Потли, т. V, стр. 252).

наковой церковной епитимії¹⁾). Послѣднее, однако, не соотвѣтствовало каноническимъ опредѣленіямъ о томъ же предметѣ,

¹⁾ Proch. tit. IV, с. 25; слав. перев. въ Кормчей, цит. изд., л. 88 об.—89.—Это законоположеніе, какъ и пять соѣднѣхъ главъ (22, 23, 24, 26 и 27) того же титула, содержащихъ въ себѣ постановленія по вопросамъ брачнаго права, признаются издателемъ Прохирона *Zachariae* (см. его примѣч. къ тексту указ. главъ въ цит. изд., р. 31, 33, 34) и его учеными изслѣдователями (см. I. Mortreuil, *Histoire du droit Byzantin*, т. II, р. 31, Paris 1844; *Бенеманскій М. И.* 'О прѣхѣросъ *нόμος* императора Василія Македонянинѣ'. Его происхожденіе, характеристика и значеніе въ церковномъ правѣ, вып. I, стр. 134—135, 138—139, 140—141, Серг. Пос. 1906) за извлеченіе изъ новеллъ имп. Василія Македонянина, законодательной инициативѣ котораго обязанъ своимъ происхожденіемъ названный памятникъ. Указаніе на эти новеллы, какъ на одинъ изъ „источниковъ“ Прохирона, не только принимается за несомнѣнныи фактъ принадлежность перечисленныхъ главъ первоначальному составу памятника, но и намѣчаеть совершенно определенно цѣлый рядъ болѣе ранніхъ частныхъ опытовъ законодательной дѣятельности первого императора Македонской династіи, предшествующихъ если не самому началу, то, по крайней мѣрѣ, окончанію той кодификаціонной работы, плодомъ которой явился 'О прѣхѣросъ *нόμος*. Не находя въ себѣ достаточной увѣренности для того, чтобы решительно высказаться противъ установившагося мнѣнія, решаемся, однако, заявить, что основанія его не кажутся намъ достаточно убѣдительными. Въ существѣ дѣла они сводятся къ тому, что а) каждый изъ двухъ основныхъ списковъ, какими воспользовался *Zachariae* для своего печатнаго изданія Прохирона (содержащаго и вышеуказанныя главы), по словамъ ученаго издателя, *quippe prope ab eo tempore, quo Prochiron editum est, exaratus, genuinum fere Prochiri textum praestare videtur (prolegom. р. CCX);* б) сами составители Прохирона въ предисловіи къ нему упоминаютъ о внесеніи въ этотъ законодательный сводъ новыхъ правовыхъ нормъ, неизвѣстныхъ прежнимъ законодателямъ (см. проем. § 1,—по изд. *Zachariae* р. 8; cf. prolegom. р. LXIII—LXIV; *Бенеманскій*, цит. соч., стр. 134); въ нѣкоторыхъ спискахъ Прохирона противъ занимающей насъ группы главъ имѣются помѣты, дающія право видѣть именно въ этихъ главахъ „новыя узаконенія“, прямо усвоенныя холіастами названному византійскому императору (*Бенеманскій*, тамъ же, стр. 135); наконецъ г) текстъ перечисленныхъ и нѣкоторыхъ другихъ главъ рассматриваемаго памятника буквально совпадаетъ съ законодательными постановленіями, изданными еще *Леунклавіемъ* (*Juris glaesorumani* т. I. р. 86—87; т. II. р. 134—135, *Francofurti* 1596) съ именемъ Василія Македонянина. Но относительно того, дѣйствительно ли основные оригиналы печатнаго изданія *Zachariae* представляютъ *genuinum fere Prochiri textum*, пожалуй, можно и усомниться. Старшій по времени изъ имѣвшихся у него списковъ—*Cod. Coislianus* 209. Допустимъ, что мнѣніе Мовфокона (*Montfaucon*, *Bibloth. Coisliana*, р. 267 sq., Paris 1715), относя-

на что вскорѣ потомъ обратилъ вниманіе въ одной изъ своихъ новеллъ (ХС) императоръ Левъ Мудрый, настаивая на болѣе

щаго этотъ списокъ Прохирона къ Х в., ошибочно, и что его можно, вмѣстѣ съ Дюкаижемъ и самимъ Цахаріѣ, приписать saeculo IX eheunti (*Zachariae*, o. c., prolegom. p. LVIII): и при такомъ опредѣленіи возраста—рукописи нѣтъ препятствій считать ее иаписаній уже при Львѣ Мудромъ (886—912 гг.), послѣ издания имъ иѣкоторыхъ новеллъ (LXXXIX, ХС и ХСI), что, какъ увидимъ ниже, можетъ оказаться ие лишенныемъ значенія при попыткѣ разобраться въ вопросѣ о первоначальномъ составѣ и значеніи Прохирона. Что въ этомъ послѣднемъ, при самой обработкѣ того или другого титула его офиціальными редакторами, могли иайдти себѣ мѣсто иѣкоторыхъ новыхъ правовыхъ нормъ, имѣющія свой юридический источникъ въ законодательной инициативѣ родоначальника Македонской династіи, — въ этомъ иѣть причинъ сомнѣваться, равно какъ и въ томъ, что въ послѣдніхъ главахъ IV титула мы имѣемъ дѣло, въ общемъ, съ новыми нормами, представляющими отклоненіе отъ традиціонныхъ положеній юстиніанова права. Но отсюда еще ие слѣдуетъ само собою, что упомянутыя главы и представляютъ какъ разъ воспроизведеніе новеллъ имп. Василія, самый фактъ существованія которыхъ, помимо, б. м., ие изначального нахожденія ихъ въ Прохиронѣ,ничѣмъ авторитетно ие засвидѣтельствованъ. Вѣдь иельзя же, въ самомъ дѣлѣ, придавать большое значеніе свидѣтельству поадицѣвшихъ холіастовъ или ссылкамъ на издание Леукилавія, такъ какъ въ томъ и другомъ случаѣ болѣе чѣмъ вѣроятнымъ представляется предположительное усвоеніе Василію Македонянину, въ качествѣ офиціально опубликованныхъ имъ новеллъ, извлечений изъ общезвѣстной теперь редакціи законодательного свода, надписанного именемъ этого императора. Недаромъ самъ Цахаріѣ не рѣшился переиздать эти сомнительные памятники византійского законодательства въ своемъ сборникѣ императорскихъ новеллъ (*Jus graeco-gothicum*, pars III, Lipsiae 1857). Такая осторожность, думается намъ, находится вполнѣ достаточное оправданіе себѣ въ томъ обстоятельствѣ, что главы Прохирона, признаваемыя этимъ и другими изслѣдователями за новые узаконенія Василія Македонянина, отсутствуютъ въ другомъ законодательномъ сводѣ того же императора—*'Епакаѹуї тѡи νόμιον* (*Zachariae. Collectio librorum juris graeco-gothani in editorum*. p. 55; cf. ibid. p. 106, not. 2. Lipsiae 1852), представляющемъ, какъ привто думать, новый пересмотръ и переработку (*repetitam rgalectionem*) первого. Едва-ли возможно объяснить сколько-нибудь удовлетворительнымъ образомъ ту поистинѣ удивительную странность, что при повторномъ опыте кодификаціи, предпринятомъ по инициативѣ верховной власти, оказались устранимыми тѣ самые нормы, которые незадолго предъ тѣмъ заботливо проводились ею, будто бы, въ жизнь специальными постановленіями и закрѣплялись виесеніемъ ихъ въ офиціально опубликованный эахиридіонъ дѣйствующаго права,— устранимыми затѣмъ, чтобы чреезъ небольшой промежутокъ времени воскреснуть вновь въ новеллахъ сына василіева и соучастника въ его

строгомъ отношеніи къ третьему браку¹⁾). Но самъ же законодатель и пошелъ первый наперекоръ своимъ узаконеніямъ, вступивши въ третій, а потомъ даже и въ четвертый бракъ. Возникшіе по этому поводу споры между двумя партіями, изъ которыхъ одна держала сторону императора, а другая, съ патріархомъ во главѣ, настаивала на общеобязательности церковныхъ каноновъ²⁾, закончились только въ 920 г. такъ называемымъ актомъ соединенія (*ὁ τόμος τῆς ἑρώθεως*), составленнымъ на соборѣ и окончательно формулировавшимъ

законодательной дѣятельности, имп. Льва. Самый фактъ изданія этими послѣднимъ особыхъ узаконеній, по своему содержанію являющихся лишь простою репродукціей того, что уже было установлено его предшественниками, справедливо казался страннымъ для историковъ византійского права и не пересталь быть такимъ послѣ новѣйшей попытки объяснить его наивнымъ желаніемъ честолюбиваго законодателя „создать себѣ славу новатора и реформатора“ посредствомъ присвоенія чужихъ заслугъ (Бенеманскій, цит. соч. стр. 169). Все это невольно заставляетъ усомниться не только въ изданіи имп. Василіемъ особыхъ специальныхъ новеллъ, соотвѣтствующихъ указаннымъ выше и въкоторымъ другимъ главамъ Прохирона, но даже и въ установлении соотвѣтствующихъ юридическихъ нормъ чрезъ офиціальное изданіе названного памятника. Не совсѣмъ невѣроятно, въ виду вышесказаннаго, что эти главы не принадлежать его первоначальной редакціи, а представляютъ позднѣйшее наслоееніе, имѣющее свой источникъ хотя бы въ тѣхъ же новеллахъ Льва. Если же не прибѣгать къ подобиаго рода догадкамъ, то выходъ изъ затрудненій останется, повидимому, только одинъ: нужно будетъ признать, вопреки общепринятому мнѣнію, что въ мнимыхъ новеллахъ Василія Македонянина, содержащихся въ первой редакціи его законодательного свода, мы имѣемъ лишь законодательныя преднаречтанія, не перешедшія въ дѣйствующее право, какъ и *весь Прохиронъ остался лишь обширнымъ законопроектомъ*, не успѣвшимъ получить офиціальной санкціи, такъ какъ была сознана необходимость серьезнаго пересмотра, давшаго въ результатѣ Эпанагогу; законодательные же проекты Василія перешли по наслѣдству къ его сыну Льву и дали материалъ для новеллъ этого императора. Къ болѣе подробному разъясненію намѣченныхъ здѣсь соображеній мы еще надѣемся возвратиться впослѣдствіи.

1) *Zachariae—Jus graeco-romanum*, t. III, p. 187.

2) Подробнѣе объ этихъ спорахъ см. въ изслѣдовавшемъ *Н. Г. Попова*—Императоръ Левъ VI Мудрый и его царствованіе въ церковно-историческомъ отношеніи, стр. 109—185, М. 1892; въ статьѣ *Н. Волкова*—Николай Мистикъ, патріархъ константинопольскій (Приб. къ твор. св. от., ч. XX, стр. 171—193, 226—233); въ книгѣ *проф. прот. М. И. Горчакова*—О тайнѣ супружества, стр. 186—188 и др.

на будущее время решеніе спорного вопроса¹⁾. „Опредѣляемъ общимъ мнѣніемъ и судомъ,—читаемъ мы здѣсь—чтобы съ настоящаго года никто не дерзалъ на четвертый бракъ, который совершенно отвергается (*εἰναι ἀπόβλητον παντελῶς*); и если кто рѣшился вступить въ такое сожительство, да будетъ лишенъ всякаго церковнаго собранія и чуждъ самаго входа въ святый храмъ до тѣхъ поръ, пока останется въ этомъ сожительствѣ, ибо такъ угодно было и св. отцамъ, бывшимъ прежде насъ. И мы, дѣлая это рѣшеніе болѣе яснымъ, объявляемъ таковаго чуждымъ христіанскаго общества. Такъ—о четвертомъ бракѣ. А чтобы привести въ большее благообразіе и другіе (повторительные) браки и дать имъ такой видъ, чтобы они не казались недостойными христіанской жизни, мы и относительно третьяго брака опредѣляемъ, что онъ не долженъ быть совершаємъ просто и какъ случилось; ибо хотя онъ и былъ терпимъ отцами, какъ нечистота, или такое дѣло, которое тогда не совершалось еще такъ безстыдно,... но нынѣ, когда эта нечистота сдѣлалась открытою и, вслѣдствіе повсюднаго распространенія, не считается уже чѣмъ-либо постыднымъ и оскверняющимъ, мы признали за благо устранить ее точно такъ, какъ мы никогда не оставляли грязи, если она лежитъ не въ углу, а раскидана по жилищу, но очищаемъ домъ и выбираываемъ изъ него все, непріятное для глазъ. Итакъ, уступая человѣческой немощи и заботясь о подобающемъ человѣческой жизни благоприличіи, опредѣляемъ соблюдать относительно третьяго брака слѣдующее: если кто, доживъ до сорока лѣтъ и не стыдясь природы, не имѣя попеченія о подобающемъ каждому христіанину благоустройстеніи своей жизни, но движимый только страшнымъ вожделѣніемъ, ввергнетъ себя въ третій бракъ, таковыи не имѣть участія въ причащеніи святыхъ таинъ до истеченія пятилѣтія (*μέχρι πενտετίας ἀμέτοχον εἶναι τῆς τοῦ ἀγιασμοῦ μεταλήψεως*),

¹⁾ О тѣснѣ *τῆς ἐνώσεως* въ подлинникѣ напечатанъ сполна у *Zachariae—Jus graeco-roman.*, т. III, р. 228—232; въ аѳинской *Σύντ.* т. V, стр. 4—10; у *Леунклазія* въ *Jus graeco-roman.* т. I, р. 104—108. Славянскій переводъ „тома“ составляеть 52-ю главу печатной Кормчей, по изд. 1787 г. л. 245 об.—254 об. Приводимый далѣе въ текстѣ отрывокъ на русскомъ языкѣ заимствованъ изъ „Правилъ св. от. съ толков.“, изд. Моск. Общ. Люб. Дух. Просв., стр. 171—173 (толков. Вальсамона на 4 пр. св. Вас. В.).

и это соблюдается со всею строгостью, такъ что срокъ эпитетиміи ни въ какомъ случаѣ не долженъ быть сокращаемъ для него. Ибо кто послѣ сорокового года возлюбилъ быть или считаться въ христіанской церкви нечистотою, тотъ какое представить удостовѣреніе въ томъ, что онъ печется о своей жизни и заслуживаетъ того, чтобы для него сокращено было время отлученія отъ таинъ? Но и послѣ того, какъ онъ будетъ удостоенъ пречистаго причащенія, не должно быть дозволено ему приступать къ причащенію въ другое время, развѣ только въ день спасительнаго воскресенія Христа и Бога нашего, когда онъ, сколько возможно, очистится воздержаніемъ въ предшествовавшиѣ дни поста. Но это мы говоримъ о тѣхъ, которые, какъ сказано, вступаютъ въ третій бракъ послѣ сорокового года, не имѣя дѣтей отъ прежнихъ браковъ: ибо, если будутъ дѣти, третій бракъ для нихъ недозволителенъ (*εἰ καὶ τέκνα παρῇ, οὐ γυγνώρητος αὐτοῖς ἡ τριταγία*), такъ какъ было бы весьма несправедливо потакать безвременному похотѣнію отца и не позаботиться о судьбѣ дѣтей отъ прежнихъ браковъ, чтобы они были обезпечены и свободны отъ невыгодъ, какими сопровождается для семьи излишнее чадородіе. А кто будучи тридцати лѣтъ и имѣя дѣтей отъ предшствовавшихъ браковъ, соединится съ третьею женою, таковой безъ всякаго снисхожденія долженъ быть удаленъ отъ таинъ на четыре года, потому что онъ вступилъ въ этотъ бракъ, очевидно, не вслѣдствіе чего-нибудь другого, а по увлеченію невоздержаніемъ и потому, что онъ рабъ плотскихъ пожеланій. А по истечениіи срока эпитетиміи только трижды въ годъ онъ удостоивается причащенія таинъ: въ первый разъ—въ день спасительнаго воскресенія Христа и Бога нашего, во второй—въ успеніе Пречистой Владычицы нашей Богородицы и въ третій—въ день рожdestва Христа и Бога нашего, потому что и этимъ днамъ предшествуетъ постъ, доставляющій пользу (немощнымъ душамъ). А если дѣтей нѣть, то поелику желаніе чадорождѣнія не непростительно, пусть такой бракъ удостоится снисхожденія и уврачуется эпитетимію, какая дѣйствовала отъ начала и до нынѣ (*τὸ τηγικαῦτα οὐ γυγνώμης αἴσιωθέσεται ὁ τοιοῦτος γάμος, καὶ μόνῳ τῷ εἰς αφῆται καὶ μέχρι τοῦ γῦν χρατήσατι ἐπιτμίῳ θεραπευθῆσεται*)⁴. Что же касается второго брака, то онъ признанъ дозволеннымъ подъ условіемъ точнаго соблю-

денія установленныхъ правилъ, охраняющихъ чистоту брачнаго союза вообще и—разумѣется—безъ отмѣны назначеннай въ канонахъ за второрождество эпитиміи¹⁾.

Приведенное соборное опредѣленіе, будучи церковнымъ по своему происхожденію и по содержанію раскрываемыхъ въ немъ положеній относительно предѣловъ повторяемости христіанскаго брака, съ самаго начала, благодаря императорской санкціи, получило силу и гражданскаго закона²⁾. Это обстоятельство даетъ намъ право видѣть въ „актѣ соединенія“ завершительное звено того процесса, которымъ законодательство византійскихъ императоровъ постепенно шло отъ традицій до-христіанскаго права къ усвоенію церковно-канонической точки зрѣнія на второй и послѣдующіе браки христіанъ. Съ изданіемъ названнаго акта предметъ этотъ какъ въ церковномъ, такъ и въ гражданскомъ законодательствѣ Византіи получилъ свое окончательное, вполнѣ тождественное рѣшеніе, которое стало руководящей нормою для практики послѣдующихъ временъ³⁾.

Представленный анализъ первой части модестиновой формулы, опредѣляющей супружество, какъ *coniunctio maris et feminæ*, даетъ намъ возможность отвѣтить вполнѣ опредѣленно на вопросъ о томъ, чѣмъ должно быть названное

¹⁾ Вопреки мнѣнію Вальсамона (см. его толков. на 7 пр. Неокес. соб.—Прав. св. помѣсти. соб. съ толков., вып. 1, стр. 86. М. 1880). Такое мнѣніе не можетъ быть принято, на нашъ взглядъ, во 1-хъ потому, что ие соотвѣтствуетъ общему ригористическому духу соборнаго опредѣленія, изрекающаго свой судъ и назначающаго эпитимію *μετά πάσης ἀκρεψεις*, древнихъ каноновъ; во 2-хъ, какъ не находящее себѣ подтвержденія въ практикѣ послѣдующаго времени, насколько о ней можно судить по „каноническимъ отвѣтамъ“ различныхъ іерарховъ и церковно-административныхъ дѣятелей (см. отвѣты Иліи м. критскаго—въ *Σύντ. V*, р. 378; Никиты м. ираклійскаго—*ibid.* р. 441. и др.).

²⁾ Такъ именно смотрѣть на него извѣстный знатокъ памятниковъ византійского права *Цахаріз фонъ Лингенталь*, помѣстившій *τόμος τῆς ἐνώσεως* въ свое изданіе императорскихъ новеллъ. По его словамъ, названный памятникъ *ab ipsis Graecis novellae legis instar habetur* (см. его *Jus graecos-roman.* т. III. р. 227, примѣч.).

³⁾ См. обѣ этомъ подробнѣе у *Zhishman'a* о. с., S. 443—446. Вполнѣ согласную съ опредѣленіями „тома“ практику отмѣщаетъ и бл. *Симеонъ болунский* въ „Разгов. о священнод. и таинств. церковныхъ“, гл. 276.—*Migne. Patr. gr.* t. CLV. col. 505; р. перев. въ *Пис. св. оо. и учит. церкви, относящ. къ истолков. правосл. богослуж.*, т. II, стр. 352. СПБ. 1856.

явленіе по самому существу, опредѣляемому свойствами и потребностями человѣческой природы. Разсматриваемый съ этой естественной стороны, бракъ только тогда вполнѣ отвѣчаетъ своей идеѣ, когда онъ есть полное и всестороннее, обусловливаемое психо-физическими различіемъ половъ, единеніе двухъ человѣческихъ личностей: одного мужа и одной жены, въ цѣляхъ взаимнаго восполненія ими своей половой односторонности. Въ такомъ единеніи природная склонность къ „полосочетанію“, присущая и животнымъ, возвышается въ нравственнѣй союзѣ любви, гдѣ личность одного пола, со всѣми ея природными свойствами, настолько тѣсно и гармонически соединяется съ своею половою противоположностью, что составляетъ съ нею какъ-бы единый духовный организмъ, болѣе совершенный въ этомъ новосозданномъ цѣломъ, чѣмъ въ своихъ составныхъ частяхъ. Здѣсь становится возможной и полнота духовнаго объединенія двухъ индивидуумовъ, которая позволяетъ *ένα σχεδὸν ὁμόψυχον ἀνθρώπον, εὐ δυστ θεορούμενον ἔποιστάσει, τοὺς ὄμοξύγους διὰ τὸν γάμον λογίζεσθαι*¹⁾.

И. Громогласовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

¹⁾ Вальсамона—*Διάγυνωσις* въ *Σύντ.* Ралли и Потли, т. IV, стр. 561. Ср. св. Астерија амасийск. Homil in Matth. XIX. 3.—Migne, Patr. gr. t. XL. col. 229.